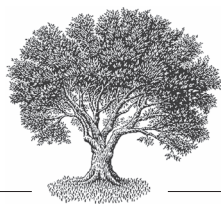

*Памяти Арсения Николаевича Насонова
(1898–1965)*

А. Н. Насонов

Фотография конца 1930-х – начала 1940-х годов
(Архив РАН. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 245. Л. 4; публикуется впервые)

Вспоминая
Арсения Николаевича
Насонова

Remembering
Arseny Nikolaevich
Nasonov

**Владимир Андреевич
Кучкин**

Институт российской истории
Российской академии наук
Москва, Россия

Vladimir A. Kuchkin

Institute of Russian History of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В августе 2018 г. исполнилось 120 лет со дня рождения выдающегося историка и археографа Арсения Николаевича Насонова (1898–1965). Труды ученого в области истории русского летописания, как и в целом его исследования и публикации источников русской истории, до сих пор во многом остаются образцовыми. В память о А. Н. Насонове в настоящем выпуске журнала «Slověne» редакция публикует ряд статей, связанных с кругом его научных интересов. Эту подборку открывают мемуары В. А. Кучкина, начавшего под руководством А. Н. Насонова свой исследовательский путь.

Ключевые слова

история Древней Руси, источниковедение, русские летописи, археография, Арсений Николаевич Насонов, Михаил Николаевич Тихомиров, Житие князя Михаила Ярославича Тверского

Abstract

August 2018 marked 120 years since Arseny Nasonov's (1898–1965) birth. Arseny Nikolaevich Nasonov was an exceptional historian and a specialist in

Цитирование: Кучкин В. А. Вспоминая Арсения Николаевича Насонова // *Slověne*. 2018. Vol. 7, № 2. С. 342–355.

Citation: Kuchkin V. A. (2018) Remembering Arseny Nikolaevich Nasonov. *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 342–355. DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.13

archaeography. His works on the history of Russian chronicle-writing, as well as studies and publications on various Russian historical sources, still remain, in many regards, a standard. By the editorial board decision, in Arseny Nasonov's memory, this issue of *Slověne* features several articles connected to his research interests. This collection begins with memoirs of V. Kuchkin, who started his scientific career under Nasonov's tutelage.

Keywords

history of Rus', source studies, Russian chronicles, archaeography, Arseny Nikolaevich Nasonov, Michael Nikolaevich Tikhomirov, The Life of Mikhail Yaroslavich of Tver

В конце сентября 1957 г. я, только что закончивший учебу в Московском государственном университете и получивший направление на работу в Институт истории АН СССР, о чем мечтал со школьных лет, должен был пройти собеседование с заведующим сектором источниковедения истории СССР до Октябрьского периода профессором А. А. Новосельским. Возглавляя сектор, Алексей Андреевич был в те годы еще и заместителем директора Института истории. Когда я приносил в Институт документы для устройства на работу, мы встретились с ним, немало поговорили, и мне было назначено прийти на собеседование.

И вот А. А. Новосельский беседует со мной, спрашивает, умею ли я читать древнерусские тексты. Я отвечаю утвердительно, потому что с третьего курса по требованию своего наставника академика М. Н. Тихомирова занимался в Центральном архиве древних актов (ЦГАДА), изучая документы по истории московской Бронной слободы. Но, к моему удивлению, мы беседуем не с глазу на глаз. В секторской комнате поближе к А. А. Новосельскому и наискосок от меня сидит еще один человек. Он в годах, на голове редкие волосы, одет не строго, светлый пиджак видал виды и помят, брюки другого цвета, но обязательный в те времена галстук на месте. Впрочем, обращают на себя внимание не его одежды, а светлые голубые глаза, которые глядят в разные стороны, то вниз, то вверх, то на А. А. Новосельского, но на меня не смотрят. А. А. Новосельский беседует со мной, а незнакомец сидит и не произносит ни звука. Собеседование кончается, мы встаем со стульев, я прощаюсь и ухожу.

В Институте у меня были знакомые, и я тут же рассказал им о собеседовании, которое посчитал для себя успешным, и, заинтригованный, поинтересовался, кто же был третьим, молчаливым участником разговора. Начались дотошные расспросы, требовали деталей, я подробно отвечал, и выяснилось, что это был Арсений Николаевич Насонов. Меня такое опознание крайне изумило. Фамилию Насонова я слышал еще на

студенческой скамье. Ее называл ведущий семинар на первом курсе в нашей студенческой группе Б. А. Рыбаков. Называл с уважением и пиететом. Однако мне казалось, что А. Н. Насонов живет в Ленинграде, а не в Москве. Во всяком случае, в той московской научной среде, в которой я в юные годы вращался, его фамилии не упоминали. Позднее выяснилось, что свою научную карьеру Арсений Николаевич начинал действительно в Ленинграде, но в первой половине 30-х гг. переехал из Ленинграда в Москву.

Вскоре стало ясным, что на собеседовании А. Н. Насонов присутствовал не случайно. Я был зачислен младшим научно-техническим сотрудником в сектор А. А. Новосельского, но попал в секторскую группу по изданию летописей, которую возглавлял А. Н. Насонов. Если мои навыки в чтении скорописных текстов главным образом XVII в. были признаны удовлетворительными, то мое знание древнерусского языка, видимо, вызывало большие сомнения. И меня посадили за стол в большом зале институтской библиотеки, заставив штудировать учебник «Историческая грамматика русского языка» П. Я. Черных. Рабочий день тогда начинался в 9 часов утра и продолжался до 18 часов. 1 час из этого времени отводился на обед. Работали 6 дней в неделю, суббота была рабочим днем. К 9 часам я приходил в Институт, занимал свое место за столом в библиотеке и начинал вникать в особенности склонений существительных в двойственном числе. Запомнить такие особенности было очень трудно, тем более что какая-либо практика не предусматривалась. Если в первые часы рабочего дня что-то еще усваивалось, то на четвертом и пятом часах чтения не запоминалось ничего. С места работы-мечты в Институте истории хотелось бежать без оглядки. Помогли институтские знакомые, которые подсказали, что после 50-ти минут томительного изучения учебника П. Я. Черных надо делать 10-минутное хождение по коридорам Института. На помощь пришел и А. Н. Насонов. Через месяц сидения в институтской библиотеке он перевел меня в отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

Там уже трудились два других сотрудника «Летописной группы»: Н. Н. Улащик и С. М. Каштанов. Они готовили к печати XXVII том «Полного собрания русских летописей» (далее — ПСРЛ), который должен был быть издан под редакцией А. Н. Насонова. Н. Н. Улащик готовил к публикации текст Никаноровской летописи, С. М. Каштанов — тексты Сокращенных летописных сводов 1493 и 1495 гг. Их задача прежде всего сводилась к тому, чтобы снять как можно аккуратнее копии с тех древних летописей, которые должны были быть напечатаны в XXVII томе ПСРЛ. Свои списанные вручную летописные тексты Н. Н. Улащик и С. М. Каштанов относили машинистке. Клавдия

Ивановна перепечатывала их. И тут наступала моя очередь. Я получал машинописные листы и должен был сверять машинописный текст с текстом оригиналов. А вдруг Н. Н. Улащик или С. М. Каштанов сделали ошибки в своем переписывании, что-то прочли не так, что-то по невнимательности пропустили: букву, слово или даже целую строку текста?! При проверке выяснялось, что улащиковские и каштановские копии очень точны, грубых ошибок (пропусков слов и тем более строк) не было вообще, мелкие встречались, но очень редко.

К концу каждого рабочего дня в отделе рукописей ГБЛ появлялся Арсений Николаевич. Он проверял, что сделано копировальщиками текстов и сверщиком за трудовые часы. Норма выработки всегда была высокой, но это достигалось напряжением сил. Сверять, например, тексты оригиналов и машинописных копий было интереснее, чем зубрить историческую грамматику русского языка по пособию П. Я. Черных. Но и тут после 4–5 часов работы наступала фаза, когда тексты виделись как в тумане, смысл написанного летописцем становился неуловим, деления на слова — сомнительными. Появлялись ошибки, которые обнаруживались утром следующего дня, когда на свежую голову шла проверка сделанного вчера. Нужно было изобрести нечто такое, что сохраняло бы внимание к проверке даже на пятом часу работы.

Такое «изобретение» было найдено: правильно ли делят на слова единый летописный текст мои старшие коллеги Н. Н. Улащик и С. М. Каштанов? Поиск ошибки всегда занимателен, и это удерживало внимание к сверке даже к концу рабочего дня. Теперь, когда приходил А. Н. Насонов и спрашивал, есть ли какие поправки к машинописному тексту, я отвечал, что есть, и предлагал новые чтения, по-иному, чем Н. Н. Улащик и С. М. Каштанов, разделяя текст на слова. А. Н. Насонов просматривал текст, превращавшийся в спорный, никаких оценочных слов не произносил (это значило сразу обидеть или копировальщиков, или сверщика), а спокойно говорил: «Давайте посмотрим словарь Срезневского». Три тома «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского, опубликованные еще до революции, были закончены переизданием как раз в 1958 г. Эти новенькие тома в красивых светло-коричневых переплетах стояли на полке библиотеки отдела рукописей ГБЛ. Новенькие-то и красивенькие они были, но каждый том весил примерно по 3 кг. Вчерашний тощий студент, кляня в душе себя за праздные предложения, а руководителя — за чрезмерный педантизм, с трудом волочил сразу три тома и клал их на стол перед Насоновым. Последний раскрывал их перед собой, искал нужное слово, читал статью о его значениях и не находил в ней того значения, которое придавал ему я своим новым сочетанием букв. Увы,

правы оказывались Н. Н. Улащик и С. М. Каштанов. Из десятков моих предложений, кажется, прошло только одно. Уроки Насонова возымели действие. Теперь я сам проверял по словарям правильность возможного деления текста на слова, и если видел в словарях противоречия такому возможному делению, то отказывался от него.

Том XXVII «Полного собрания русских летописей» вышел в свет в 1962 г. В нем были изданы Никаноровская летопись и Сокращенные своды 1493 и 1495 гг. Редактором тома, как и планировалось, был А. Н. Насонов. А тремя годами ранее, когда том XXVII еще готовился к печати, в 1959 г., был издан XXVI том ПСРЛ. В нем были напечатаны вологодско-пермские летописи. Редактором тома был мой студенческий учитель М. Н. Тихомиров. При характеристике в томе XXVII ПСРЛ Никаноровской летописи было указано, что «протограф Никаноровской летописи был положен в основание Вологодско-Пермской летописи, но значительно расширен» [ПСРЛ 27: 3]. Сегодня мне представляется, что Никаноровская летопись — поздняя сокращенная выписка из Вологодско-Пермской летописи. Старший список Никаноровской летописи — Ленинградский — датируется последней четвертью XVII в. [Ibid.: 4], временем значительно более поздним, чем основные списки Вологодско-Пермской летописи. Но как бы там ни было, главное — признание А. Н. Насоновым несомненной тесной связи между Никаноровской и Вологодско-Пермской летописями. Это означает, что указанные летописи образуют особую группу в русском летописании, а потому должны были издаваться вместе хотя бы для удобства читателей. Но этого не произошло. А. Н. Насонов не уступил М. Н. Тихомирову публикацию Никаноровской летописи. Видимо, два лучших во второй трети XX в. знатока русских летописных текстов не очень ладили между собой, и их личные отношения влияли на качество советских изданий ПСРЛ в 60-е гг. прошлого столетия.

В 1957–1962 гг. А. Н. Насонов работал не только над изданием XXVII тома ПСРЛ. Он продолжал трудиться над монографией, посвященной истории русского летописания с древнейших времен до эпохи Петра I. В указанные годы он опубликовал 8 статей, из которых хотелось бы выделить две: «Об отношении летописания Переяславля Русского к киевскому (XII в.)» [Насонов 1959] и «Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник» [Насонов 1961].

В первой статье выяснялось, откуда в Лаврентьевской летописи после Повести временных лет появился южнорусский летописный материал. Оказалось, что из киевского свода XII в., который был использован и в Ипатьевской летописи. Для этого А. Н. Насонову пришлось провести тщательное сравнение Лаврентьевской и Ипатьевской летописей

на значительном их протяжении. Объем работы был велик, он занял очень много времени, но результат был совершенно нов и строго доказателен.

Во второй статье также сравнивались тексты, на сей раз той же Ипатьевской летописи с московским великокняжеским сводом 1479 г. В последнем были обнаружены свидетельства, каких не было в подавляющем большинстве других сводов, причем касались они киевских событий XII в. В свое время А. А. Шахматов, обнаружив такие свидетельства в Воскресенской летописи, возводил их к Владимирскому Полихрону XV в. А. Н. Насонов нашел эти свидетельства в более раннем памятнике — своде 1479 г., который был источником Воскресенской летописи. Чтобы выяснить, как уникальные свидетельства попали в свод 1479 г., А. Н. Насонов применил трудоемкую, но строгую и доказательную методику исследования. Прежде всего, на основании Эрмитажного (РНБ, ф. 885. № 416 б) и Уваровского (ГИМ, собр. Уварова. № 1366; опубликован в [ПСРЛ 25]) списков он восстановил текст свода 1479 г. [Насонов 1961: 364–366]. Далее, выяснив, что в своде 1479 г. есть заимствования, восходящие к таким группам летописей, как Лаврентьевско-Троицкая и Новгородско-Софийская, А. Н. Насонов последовательно извлек такие заимствования из свода 1479 г. В итоге остались 34 летописные статьи этого свода, которые давали сведения, отличные от сведений Лаврентьевской (Троицкой) летописи, а также от Софийской I и Новгородской IV летописей [Ibid.: 372]. Содержание таких 34 статей оказалось близким, но не тождественным сведениям и тексту Ипатьевской летописи. В основе Ипатьевской летописи лежал Киевский летописный свод 1198 г. А. Н. Насонов приходил к выводу, что использованный в своде 1479 г. киевский источник «представлял редакцию, местами отличавшуюся от дошедшей до нас Ипатьевской летописи» [Ibid.: 377]. Иное, более подробное освещение истории древних южнорусских земель в своде 1479 г. А. Н. Насонов связывал с интересом в Москве к положению этнических русских в Литовском государстве второй половины XV в.

Эта работа А. Н. Насонова произвела на меня большое впечатление. Она была похожа на труд высококлассного реставратора живописи, который осторожно снимает с картины тонкий поздний красочный слой, потом еще один, потом другой, и в конце концов картина предстает перед зрителями в своем первоизданном виде. Так делал и А. Н. Насонов, постепенно исключая (но не наглядно, а мысленно, что сложнее) из сохранившегося летописного текста заимствования из известных источников, до тех пор, пока не оставался неатрибутированный летописный материал. Мои прямые и косвенные учителя строили свои труды по

истории русского летописания на основании смелых догадок о существовании различных не сохранившихся до нашего времени летописных сводов, красочно описывали эти своды, особенно их идейно-политическую направленность, даже не пытаясь реконструировать тексты таких памятников. А А. Н. Насонов указывал конкретные летописные свидетельства, не имевшие аналогов в других сохранившихся летописях, и определял их происхождение. В моих научных планах на будущее произошел перелом.

Когда на третьем курсе истфака МГУ я попал в результате отбора вместе с двумя своими сокурсниками в ученики к академику М. Н. Тихомирову, Михаил Николаевич почти сразу же предложил нам темы курсовых работ, которые в будущем должны были стать дипломными. Но из предложенных тем я не выбрал ничего. Под влиянием другого своего наставника, Б. А. Рыбакова (в семинаре которого я учился на первом курсе, а на втором стал участником другого его семинара, на сей раз не для первокурсников, а для студентов всех курсов истфака), я увлекся работами по истории ремесла древней Руси. За основную книгу на эту тему — «Ремесло древней Руси», роскошно изданную в нелегком 1948 г. — Б. А. Рыбаков получил Сталинскую премию. Меня заинтересовали не предметы, производившиеся русскими средневековыми ремесленниками, а принципы организации их труда, были ли они индивидуалами или же состояли в каких-то объединениях. Б. А. Рыбаков давал очень четкий ответ на такой вопрос: в древней Руси ремесленники объединялись в цеха [Рыбаков 1948: 729–776, 781–782]. Такое утверждение было воспринято советскими историками со скепсисом, но идеологами — просто «на ура». Получалось, что прекрасный знаток вещевого материала русского средневековья (глиняных горшков и мис, железных ножей, стеклянных бус и браслетов, золотых и серебряных княжеских и боярских чаш, церковной утвари и т. д. и т. п.) — Б. А. Рыбаков — на основании научного изучения такого материала доказал существование на Руси цехов, таких, как в самых развитых странах Западной Европы. Подобное заключение говорило о том, что исторические пути развития Восточной и Западной Европы одинаковы, и если Россия пошла по социалистическому пути, то надо ожидать, что по тому же пути пойдут трудящиеся западноевропейских государств. Ручные жернова и бляхи на конской сбруе стали предметами внимания идеологии и большой политики.

Во время учения в МГУ я находился под обаянием этих взглядов Б. А. Рыбакова. Но как найти следы цехов в русской средневековой истории? Ни в каких источниках они не упоминаются, нет и археологических следов их существования в различных русских городах. И вообще,

как было организовано ремесленное производство в допетровской Руси? Известно, например, что в Москве существовало много сотен и слобод, названия которых прямо указывали на ремесленный характер деятельности их населения. А не является ли такая ремесленная слобода рудиментом древнего цеха? Такая мысль пришла мне в голову, и студент-третьекурсник предложил академику свою тему: «Московская Бронная слобода в XVII в.». Академик пожал плечами, но согласился. Позже, когда я защищал дипломную работу почти с таким названием, он поставил мне за нее «отлично», предварительно сказав, что все присутствовавшие в ней пассажи о цехах должны быть убраны. Я не послушался. Возмущение и гнев наставника были естественными, но оценка не изменилась. В свое оправдание могу сказать, что новейшей модной «цеховой болезнью» в те времена страдал не я один. В вышедших в 1953 г. фундаментальных «Очерках истории СССР», где были задействованы лучшие советские историки того времени, был помещен раздел, в котором говорилось о русских ремесленниках и их учениках в X–XII вв., после чего следовало обобщение: «Сложный процесс ремесленного производства, при котором мастер работает с подмастерьями и учениками, предполагает и соответствующую организацию ремесленников, получившую в Западной Европе название цехов» [Рабинович 1953: 142]. Впрочем, через 13 лет, в начатой в 1966 г. новой крупной публикации по истории СССР, о цехах допетровского времени было забыто.

Говоря о своих студенческих приключениях и злоключениях в науке, я хочу объяснить ситуацию, в какую попал, работая в «Летописной группе» под руководством А. Н. Насонова. Под его началом я стал заниматься совсем другим периодом русской истории по сравнению с тем, который я изучал на студенческой скамье. А с прошлым расставаться не хотелось. И в течение долгого времени, возможно, года два или даже больше, я каждый день после проверки А. Н. Насоновым результатов нашей работы по XXVII тому ПСРЛ уходил из отдела рукописей, тут же у станции метро «Библиотека имени Ленина» садился на троллейбус и минут через 15 оказывался на Пироговке в ЦГАДА. Читальный зал архива тогда работал до 10 часов вечера, и я успевал поработать там 2,5–3 часа. Основной массив документов по истории Бронной слободы был изучен еще в студенческие годы, когда было выяснено, что в слободе проживало много различных мастеров Оружейной палаты. Теперь я работал с документами этой палаты, ее приходно-расходными книгами, списками мастеров, где отмечались их убытия или прибытия; челобитными, адресованными в приказ Оружейной палаты и содержащими жалобы на воришек или даже грабителей-подмастерьев, наглых и высокомерных беломестцев, не желавших нести общеслободские расходы,

и проч. Дело шло о возможном написании кандидатской диссертации, которую я намеревался завершить полным списком мастеров Оружейной палаты в XVII в. Но то, как работал А. Н. Насонов с летописными текстами, меня просто заворожило. Я стал подыскивать себе тему, связанную с русским летописанием.

Еще на первом курсе истфака МГУ, собирая материал для написания доклада в семинаре Б. А. Рыбакова об Иване Калите, я обратил внимание на то, что во многих летописях краткие и довольно скучные летописные записи об этом князе сопровождаются большим, в несколько страниц, подробным и ярким повествованием о казни в 1318 г. в Узбековой Орде тверского князя Михаила Ярославича. Как попал такой рассказ о событиях, разыгравшихся в далекой ханской ставке, в русскую летопись? Почему одни летописи пишут о казни князя Михаила со многими деталями, другие короче, а третьи не пишут совсем? Поговорив обо всем этом с Арсением Николаевичем, мы решили, что вопросы заслуживают внимательного рассмотрения, их разработка может быть внесена в планы сектора, а Арсений Николаевич будет моим научным руководителем. Все так и произошло. Однако сразу работа не закипела. Я по-прежнему посещал ЦГАДА, увлекали новые архивные находки, хотелось побольше печататься. Но примерно с 1960 г., когда подготовка к изданию XXVII тома ПСРЛ начала свертываться, главное было сделано, я по-настоящему стал входить в тему.

Выяснилось, что рассказ о гибели Михаила Ярославича сохранился не только в летописях, но и в сборниках агиографического содержания. Старшая редакция памятника, начинавшаяся словами «Венец убо многоцветный», была наиболее обширной из всех его текстов как в сборниках, так и в летописях. В ней рассказывалось о таких деталях пребывания в Орде и казни князя Михаила, которые отсутствовали во всех других переделках произведения. Это обнаружилось при сплошном, как требовал А. Н. Насонов, а не выборочном, сопоставлении текстов. Делалось очевидным, что эта обширная редакция (я назвал ее Пространной) является древнейшей из всех существующих редакций повествований о Михаиле Тверском.

Текст памятника, начинавшийся словами «Венец убо многоцветный», был известен еще В. О. Ключевскому, но он в своей магистерской диссертации, опубликованной в 1871 г., признал его позднейшим [Ключевский 1871: 71–72, 170 (прим. 1)]. Выяснилось, однако, что свое заключение В. О. Ключевский сделал на основе частичного сравнения текстов. Я был горд тем, что мне удалось найти ошибку у самого В. О. Ключевского. Текст, в котором говорилось об этой ошибке, был представлен А. Н. Насонову и с его стороны никаких возражений не вызвал.

Несколько позднее мы встретились с М. Н. Тихомировым. Он спросил меня, как идут мои дела. Я ответил, что неплохо, что я определил старшую редакцию Жития Михаила Ярославича Тверского. «У вас есть ее текст?» — спросил меня Михаил Николаевич. «Да, есть», — ответил я и протянул ему машинописную копию. Тихомиров сел за стол и стал читать первую страницу. Прочитав ее, он откинулся на спинку стула и сказал: «Очень цветистый стиль. Это памятник XV века». Я молча забрал копию. Как такой памятник может быть датирован XV в., если в нем говорится, что во время пребывания в ханской ставке Михаил Ярославич читал Псалтырь «и съгнуша Псалтырь и дасть отроку», а в близком летописном тексте XV в. читается только «и съгнувъ Псалтырь»? В Пространной редакции и летописях одинаково рассказывалось о том, как неприкрытое тело казненного Михаила Ярославича вывезли за пределы ханской ставки и приставили к нему сторожей. Пространная редакция сообщает далее, что «единъ котыгою, еже ношаше, приодѣ его, а другиы якыптом своим». Летопись же сообщает о действиях только одного сторожа: «и се единъ прикры тѣло его котыгою, юже ношаше». Победная для тверичей битва при Бортенево 1317 г. в Пространной редакции датирована «мѣсяца декабря 22 день, на память святыя мученици Настасьи въ день четвертокъ в год вечернии», а в летописи — «мѣсяца декабря въ 22 день». В Пространной редакции читается полная дата события с указанием месяца, числа месяца и дня недели (в 1317 г. 22 декабря действительно приходилось на четверг). Такая полная точная дата свидетельствовала о том, что она была записана современником событий, т. е. в XIV в. В летописи дана усеченная дата Бортеневской битвы (подробнее см.: [Кучкин 1974: 212–214]). Из моей работы А. Н. Насонов знал о таких разночтениях, и вывод о первичности Пространной редакции у него сомнений не вызывал. М. Н. Тихомиров опровергал приведенное заключение указанием не на всю сумму особенностей текста Пространной редакции, а только на одну его черту — цветистость литературного стиля. Позднее выяснилось, что начало Пространной редакции было выписано из древнерусского перевода греческого Жития Коинта-Квинта (вторая редакция), составленного, скорее всего, в X в. византийским агиографом Симеоном Метафрастом. Цветистость языка, отмеченная М. Н. Тихомировым, оказалась очень давней и присущей языку не древнерусскому, а иностранному.

В подходах к изучению древнерусских нарративных источников у А. Н. Насонова и М. Н. Тихомирова обнаруживалась принципиальная разница. А. Н. Насонов делал свои заключения после всестороннего исследования всего текста памятника, М. Н. Тихомиров позволял себе опираться на отдельные особенности текста. Хотя я понимал, что

методика А. Н. Насонова была очень трудоемкой и по времени весьма затратной, я целиком был на его стороне, осознавая, что только таким путем можно получить твердые научные результаты, не заражаясь на короткие сроки пристрастиями, вроде «цеховых» гипотез.

Во второй половине 1964 г. работа над диссертацией, посвященной летописным и внелетописным рассказам о Михаиле Ярославиче Тверском, фактически была закончена. Я передал ее в целом виде для окончательного чтения А. Н. Насонову. Он читал ее довольно долго, а закончив читать, сказал: «Вам надо переделать раздел о тверских известиях Владимирского Полихрона». Речь шла об общем источнике Софийской I и Новгородской IV летописей, составленном, как полагали исследователи, около 1423 г. в окружении митрополита Фотия. Изучая рассказы о казни Михаила Ярославича в сводах, содержавших фрагменты тверского летописания, я затруднялся определить, к какому летописному источнику они восходят. И вместо того, чтобы произвести конкретную сверку нужных текстов, я пустился в «логические» рассуждения, которые привели к некоторым результатам, но без всякого их подтверждения. Услышав замечание А. Н. Насонова, я почувствовал себя неудобно: мой наставник сразу разглядел «соломку», которой я прикрыл явно непроработанное место своей диссертации. Предстояло вновь заниматься сопоставлениями текстов, которые уже порядочно приелись. Но делать было нечего, руководитель был прав. Вздохнув, я забрал работу и уехал домой. Что-то надо было делать с самого начала.

Однако начать я ничего не успел. Через несколько дней я позвонил Арсению Николаевичу. К телефону подошла его скорее домоправительница, чем домработница, престарелая Мария Павловна. Она сказала, что Арсений Николаевич подойти не может, он в спальне и дверь не открывает. Почувствовав неладное, я поехал на Пятницкую, где жил А. Н. Насонов. Дверь в спальную комнату была широко открыта, на кровати лежал Арсений Николаевич, но уже без дыхания.

Известие о его неожиданной кончине сразу же распространилось по Институту и по родственным учреждениям тоже. Когда я посетил М. Н. Тихомирова, лежавшего в кремлевской больнице, и сказал ему, что нет А. Н. Насонова, он ответил кратко: «Я знаю», — и подробностями не поинтересовался. Люди наружно не выражали своих чувств, но все как-то потускнели, стали тише и невесомее. Я был огорчен очень сильно. Совершенно неожиданно не стало опоры, по-настоящему научного руководителя и наставника. О защите диссертации в ближайшее время нечего было и думать (я защитил ее только в июне 1967 г., потратив 9 месяцев на доработку текста по последнему замечанию А. Н. Насонова). Но главным было — сохранить его научное наследие. Я отвез в Институт

его плановую монографию о русском летописании, где не было дописано заключение. Через некоторое время я уговорил Б. А. Рыбакова, который был очень занят, стать ответственным редактором будущей книги [Насонов 1969]. Он согласился и позднее даже написал небольшую заметку о А. Н. Насонове, включенную в эту книгу. Сам же я договорился в издательстве «Наука», что буду издательским редактором. Это оказалось делом непростым. Надо было составить указатели к последнему труду Арсения Николаевича. Помимо обычных «Указателя имен» и «Указателя географических и этнографических названий» нужно было дать «Указатель летописных памятников». Последний был особенно сложен, поскольку А. Н. Насонов не успел унифицировать названия существовавших и предполагаемых сводов и называл их по-разному. Поэтому в каждом конкретном случае приходилось вчитываться в текст его исследования, определять памятник, сопоставлять с другими его названиями и вносить все эти названия в «Указатель». Помогала семья: жена и даже маленький сын, пошедший в школу. В 1969 г. работа А. Н. Насонова «История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования» вышла из печати.

Следует, однако, сказать об одной детали, которая стала каплей дегтя в бочке меда. На обложке книги было напечатано не «начала XVIII века», а «начало XVIII века». По всем правилам русского языка, если после слов «История русского летописания» не стоит точка, надо было писать «начала». Точки не было, а слово «начала» почему-то получило другое окончание. Я стал настаивать на том, чтобы ошибка была исправлена. Но куда там. Часто менявшиеся старшие редакторы издательства не хотели отвечать за ошибку. Качество работы их не волновало. Они представления не имели, насколько ценная книга помечается такой ошибкой. Все мои просьбы сопровождались решительными отказами. Единственное, чего мне удалось добиться, это правильного названия книги на титуле. А ведь монография А. Н. Насонова о русских летописях — одна из самых выдающихся в советской исторической науке, и она должна была бы быть соответственно оформлена. Увы, брежневское время оставило на ней свою метку.

С тех пор прошло без малого половина столетия, но до сих пор ни один историк, ни один филолог не сумел написать работу, которая могла бы стать вровень с исследованием А. Н. Насонова о многовековом русском летописании.

Сокращения

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва)

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)

МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва)

Библиография

Ключевский 1871

Ключевский В. О., *Древнерусские жития святых как исторический источник*, Москва, 1871.

Кучкин 1974

Кучкин В. А., *Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование*, Москва, 1974.

Насонов 1959

Насонов А. Н., «Об отношении летописания Переяславля Русского к Киевскому (XII в.)», in: *Проблемы источниковедения*, 8, 1959, 466–494.

——— 1961

Насонов А. Н., «Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник», in: *Проблемы источниковедения*, 9, 1961, 350–385.

——— 1969

Насонов А. Н., *История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования*, Москва, 1969.

ПСРЛ 25

Полное собрание русских летописей, 25: Московский летописный свод конца XV века, Москва, Ленинград, 1949.

ПСРЛ 27

Полное собрание русских летописей, 27: Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века, Москва, Ленинград, 1962.

Рабинович 1953

Рабинович М. Г., «Феодалный город. Ремесло. Торговля», in: *Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. В двух частях, 1: Древняя Русь. Феодалная раздробленность (IX–XIII вв.)*, Москва, 1953, 124–153.

Рыбаков 1948

Рыбаков Б. А., *Ремесло древней Руси*, Москва, 1948.

References

Kuchkin V. A., *Povesti o Mikhaile Tverskom. Istoriiko-tekstologicheskoe issledovanie*, Moscow, 1974.

Nasonov A. N., *Istoriia russkogo letopisaniia XI–nachala XVIII veka. Ocherki i issledovaniia*, Moscow, 1969.

Nasonov A. N., “Ob otnoshenii letopisaniia Pereiaslavlia Russkogo k Kievskomu (XII v.)”, in: *Problemy istochnikovedeniia*, 8, 1959, 466–494.

Nasonov A. N., “Moskovskii svod 1479 g. i ego iuzhnorusskii istochnik”, in: *Problemy istochnikovedeniia*, 9, 1961, 350–385.

Rabinovich M. G., “Feodal’nyi gorod. Remeslo. Torgovlia”, in: *Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma IX–XV vv., 1: Drevniaia Rus’. Feodal’naia razdrobленnost’ (IX–XIII vv.)*, Moscow, 1953, 124–153.

Rybakov B. A., *Remeslo drevnei Rusi*, Moscow, 1948.

Владимир Андреевич Кучкин, доктор исторических наук,
главный научный сотрудник,
руководитель Центра по истории древней Руси,
Институт российской истории РАН,
117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
Россия/Russia
drrus_iriran@mail.ru

Received August 15, 2018